

БРОНЕНОСЕЦ «УНАРЕЛИЯ»

или

Блеск и нищета научно-популярной истории

В начале XX века эскадренный броненосец «Унарелия» бороздил моря и океаны под российским императорским флагом. Его экипаж отважно дрался в Цусимском сражении. Четыре 12-дюймовых башни главного калибра исправно извергали огонь. Им вторили двенадцать грозных шестидюймовок. Две могучих трубы выпускали густые клубы черного угольного дыма. Битва закончилась не к чести нашего флота, и боевой корабль оказался тяжело поврежден огнем японцев, а затем интернирован в одном из нейтральных портов. Но он еще вернется на родину, еще ударит из своих орудий по немцам в Первую мировую... Впоследствии дряхлеющий броненосец несколько лет простоит на приколе, покуда его не разберут на металлолом. Это произойдет уже при советской власти, в 1925 году.

Неплохая судьба. Настоящая боевая биография. Ею бы можно было гордиться: понюхал пороху броненосный гигант, бился честно, бывало, принимал бой с превосходящими силами противника...

Но... откуда столь странное название у российского военного корабля? Что за «Унарелия» такая? Не родня ли «Ундине»? Или «Карелии»?

И почему в списках военно-морского флота Империи он никогда не числился? Тут нет никакой ошибки: наша страна располагала не столь уж большим количеством эскадренных броненосцев, все они на виду, о каждом накоплены внушительные сведения, а вот об «Унарелии» никаких официальных документов найти не удастся. Просто корабль-призрак какой-то!

И, однако, серьезные, авторитетные историки отечественного флота пишут о нем, предлагая вниманию читателей поразительные подробности. Вплоть до того, сколько снарядов выпустили его комендоры по японцам при Цусиме...

Этот замечательный корабль – своего рода «поручик Киже» русской военно-морской истории. Он родился из недр нашего научпопа. Из месторождения, расположенного на «темной стороне» этой планеты.

Ибо у современного российского научпопа есть светлая и темная стороны.

Прежде поговорим о первой из них. Тут есть чем похвастаться!

Полтора десятилетия назад умные люди предсказывали: традиционное историописание уходит в прошлое. Оно агонизирует в науке, умерло и уже разлагается в популярном жанре.

«Ученый перестанет искать строгую логику решительно во всем. Его логика станет эластичной, подчиненной эмоциональной выразительности. Объективированному изображению мира будет противопоставлено его художественное воссоздание, ставящее эмоции и переживания выше

соблюдения внешнего правдоподобия. Историсофские опыты станут сплавом науки с литературой и искусством... Произойдут изменения самого научного ряда: старший и младший жанры, старшая и младшая линии развития науки. Монография постепенно утратит былую важность, сдаст господствующую позицию и отойдет на второй план. Ее место займут историсофские опыты... Салон XVII--XVIII веков -- вот зримый образ науки будущего, ориентированный не только на удовлетворение профессиональных интересов относительно узкого круга специалистов, но и на запросы более широких слоев читателей, слушателей и зрителей», -- так писал тогда С.А. Экштут¹. «Если история как набор полузасушенных социологических закономерностей... исчезает, то на смену ей должен прийти иной доминирующий тип историописания. Как и на Западе, в нем будут превалировать "знаточеские" конкретные штудии, порой раздражающие своей фрагментарностью, вырванностью из сколько-нибудь широкого контекста. Писать, правда, будет принято намного веселее и интереснее, чем сейчас, хотя бы из соображений рекламы... Теперь за читателя вне пределов узкого круга специалистов... придется побороться -- у того есть много приятных способов провести время, так стоит ли, например, выключать видео ради какого-то исторического сочинения. Тяжеловесные монографии классического типа, вероятно, несколько потеряют в значении, а статьи и исторические эссе, напротив, станут более уважаемыми жанрами исторической прозы...», -- так вслед за Экштутом говорил М.А. Бойцов².

Да и автор этих строк предсказывал на заре «нулевых»: «Как бы отвратительно это ни звучало для уха профессионального историка, его ремесло в настоящее время обязано быть конкурентоспособным на рынке интеллектуальной развлекательной продукции»³. Историкам придется сделать шаг навстречу умственным запросам общества. Иначе говоря, окунуться в «социализированную историю» -- историю, чутко улавливающую интеллектуальные нужды социума⁴.

Что исполнилось?

Прежде всего, то, о чем пророчил С.А. Экштут.

Научно-популярная литература стала превращаться в *научно-художественную*. Для 80-х и 90-х суть хорошего научпопа на 100 % исчерпывалась лозунгом просветительского проекта «Энциклопедия для детей»: «Просто о сложном, интересно о важном». Финита! Добавить нечего. Но эта незамысловатая картинка меняется и уже, можно считать, изменилась.

---

¹ Экштут С.А. Манифест историсофского маньеризма // Экштут С.А. На службе российскому Левиафану. Историсофские опыты. М., 1998. С. 273—274.

² Бойцов М.А. Вперед, к Геродоту! // Историк в поиске. М., 1999. С. 164.

³ Володихин Д.М. Призрак третьей книги (методологический монизм и глобальная архаизация) // Историк в поисках адресата. М., 2012. С. 120. Впервые опубликовано в 2002 году.

⁴ Володихин Д.М. Для кого пишет историк // Историк в поисках адресата. М., 2012. С. 36—46.

Во-первых, сам язык подобного рода литературы чем дальше, тем больше дрейфует от унылой академщины к цветущей речи художественного произведения. **Во-вторых**, правилом хорошего тона становится включение в популярные книги по истории развернутых метафор, полноценных литературных образов. **В-третьих**, сегодня автору дозволяется, вернее сказать, от автора почти что требуется вставлять вольные философские рассуждения в популярный текст, который прежде не нагружался ничем, помимо научной информации, поданной в облегченном виде. Любая историческая тема -- биография великой личности, судьба народа, города, обычая -- ныне стремится принять форму эссе.

Знаменитейшие книги серии ЖЗЛ пишут не историки, а литераторы. «Пастернак» Дмитрия Быкова становится бестселлером не хуже какого-нибудь зубодробительного боевика. Алексею Варламову вручают Национальную литературную премию «Большая книга» за работу «Алексей Толстой», стыдливо назвав ее «документальным романом». В действительности это популярное биографическое издание, вышедшее в той же серии ЖЗЛ. Писатель-фантаст Эдуард Геворкян публикует книгу «Цезарь» -- аналогичного жанра, хотя и в другой серии, -- и удостаивается Карамзинского креста.

Разница между работой историка и писателя в этой сфере постепенно размывается. Писатель учится профессиональным навыкам ученого, ученый нарабатывает умение создавать тексты с писательской виртуозностью. Происходит взаимопроникновение двух творческих сфер -- немыслимое по прежним временам дело.

Особенно хорошо это видно по историко-художественным биографиям.

В исторической литературе биографизм развивается бешеными темпами, побивая иную тематику. Монография традиционного типа уступает дорогу биографическому очерку, а сам этот очерк всё больше и больше напоминает не беллетризованное исследование, а крупное историческое эссе. Любопытно: биографический жанр переходит в галоп, в то время как убийственный издательский кризис заставляет фантастику, детектив, детскую литературу сменить рысь на вялое трюханье.

В научпоп, или, по-новому, в «научхуд» на протяжении «нулевых» пришло несколько крупных фигур. Это прежде всего Ольга Елисеева, Мария Залеская, Сергей В. Алексеев, профессор Вячеслав Козляков. Ну а те, кто раньше осознал неотвратимость перемен, к настоящему времени выросли в персоны медийного уровня. Это прежде всего Николай Сергеевич Борисов и тот же Семен Аркадьевич Экштут.

Итог: в русской литературе ныне работает целая плеяда сильных авторов, собранных на пяточке того самого «научхуда», а не где-нибудь еще. За их публикациями внимательно следит читательская аудитория. Их книг ждут как большого события. Ими гордятся, их обличают, о них спорят. По преимуществу это умельцы биографического письма и счастливые обладатели превосходного литературного языка.

Ну а теперь пора добавить бочку дёгтя к ложке мёда.

Всё хорошо? У нас есть поводы гордиться?

Лишь отчасти...

Вернемся к началу статьи. «Унарелия» -- она-то откуда взялась при столь блистательном положении вещей? Приплыла с темной стороны...

Все достижения нашего «научхуда» -- лишь вершина айсберга. А по ватерлинии ледяной горы, у поверхности холодной темной водицы, -- совсем другие картины. И от них страшно.

Ни для кого не секрет, что ежедневно в сеть отправляются мегатонны литературы самого разного качества, оцифрованные с большим или меньшим тщанием. Чаще всего – с меньшим, ибо даже тексты древних законов на университетских сайтах пестрят чудовищными ошибками. Что уж говорить о 90-х, когда программы распознавания требовали усидчивого редактирования оцифрованных текстов. Редактировали их тогда? Ну разумеется... время от времени. Безденежье знаете ли. Работы много, жалованье маленькое. А у кого энтузиазм, тот летит вперед, не замечая жертв и разрушений, оставленных за кормой, – энтузиастам не до мелочей. Иному энтузиасту, знаете ли, очень хочется упразднить редактуру.

Именно так, из текста, оцифрованного в неистовых 90-х, и родилась «Унарелия» -- бывший эскадренный броненосец «Цесаревич» с героической судьбой. А раз попав на страницы издания по военно-морской истории, могучий корабль перебирался из одного текста в другой путем лихого скопипащивания. И вот уже три... пять... десять... «высокопрофессиональных» текстов открыты для плаванья этого филологического артефакта.

«Унарелия» далеко не одинока в своих дальних героических плаваниях. Иногда к причалу Британских морей приходит лорд Хурхель, премьер-министр и лауреат Нобелевской премии. Махая экипажу броненосца платочком, он тем же платочком утирает потом горячие слезки – что сделал с его славной фамилией переводчик! Но у лорда Хурхеля хоть происхождение понятно. Порой же в гости к нему заходит сельтский вождь Мореовер. Этот -- вообще странная личность. Он родился у исторического небытия от брака с английским словом *moreover*, нагло затесавшимся в текст о британских древностях.

Обоим на зависть фамилию русского царя Ивана, прозванного за свирепость «Васильевич», никто никогда не путает: все знают, что по фамилии он был Грозный. На протяжении долгого царствования он успел изгнать хазар из Казани, свергнуть половецкое иго и прорваться на Балтику. По ходу прорыва, правда, спохватился, обнаружив, что у России выход к Балтике уже есть... Как же так? Ведь Петр I, который тоже туда прорывался, родится только через полтора века! Откуда ж у нас выход-то к Балтийскому побережью? Не могли же мы позднее его потерять, ведь наши войн не проигрывают! Странное дело. Впрочем, стоит ли поворачивать полки из-за

такой мелочи? Раз уж послали русскую армию в сторону Балтики, пусть громит она в течение четверти века Польско-Ливонский орден...

Но если имя первого русского царя известно всем и каждому, то возраст его для многих – загадка. Известный писатель и сценарист сообщает всему свету: отрок Ваня, который через много лет станет государем Иваном Васильевичем, оказывается, водил дружбу с отроком Федей, который в будущем сделается Филиппом, митрополитом Московским. Никого не смутило, кажется, что первый младше второго... на 23 года.

Допустим, все эти перлы выросли из простого невежества переводчиков, из практики копипастинга, да еще из умов тех блистательных личностей, которые молятся на Википедию, как на источник истины в последней инстанции. Казалось бы, приставить к делу хорошего редактора, и проблемы моментально исчезнут...

Если бы! Порой в нашем научпопе встречается *подлинно изысканное* по вине рафинированных редакторов. Точнее сказать, по вине издательского руководства, находящего правильным адаптировать старых специалистов к условиям текущего момента.

Вот элементарный просветительский текст: «Издавна в таежной зоне водились лоси. По мнению специалистов, их количество (следует цифирь) было в таком-то веке столь значительным, что встреча с этим животным считалась у наших предков обычным делом...» Текст не хорошо и не плохо. Он – проходной. Сверху поступает указание: убрать цифирь -- слишком сложно! Убрали. Следующее указание: укоротить предложения! Больше 15 слов читателю в голову не полезет. Укоротили. Следующее указание: слова «наши предки» -- неполиткорректны! У всех предки разные, возможно, предки читателя никогда не посещали таежную зону. Редактор задумчиво смотрит на результат своей работы и чувствует: вероятно, здесь что-то не так, но думать уже поздно, ведь по плану завтра книгу пора сдавать...

Вот он, волшебный результат правки: «Лось обычен в тайге».

Точка.

А? Могло быть и хуже.

Да и объема занимает гораздо меньше, чем прежний вариант...

Не слишком ли тяжело воспринимает читатель даты? Зачем его грузить днем, месяцем, годом? К чему мельчить! Уж если и говорить о хронологии, то лишь в категориях столетий, тысячелетий...

Вот текст по истории спорта: «Нападающий имярек хоккейной команды такой-то 14 мая 1994 года получил травму. Ему пришлось надолго отказаться от участия в ответственных матчах – столь сильно тревожили его боли в ноге». Сократить? Так точно! Упростить? Так точно! Заменить хронологическую мелочевку на века? Так точно!

Итог: «У хоккеиста имярек на исходе XX столетия заболела нога».

Идиотизм имеет обыкновение принимать сладостные формы...

Как ныне делается очередной томик популярной истории? Разухабистый “мастер” зажигательной халтуры подает издателю заявку: «Готов написать о Наполеоне, Тамерлане, Сталине, Шекспире, Гильгамеше,

Ахматовой, а еще про Бородинское сражение, плавания Колумба, тайны майанского календаря и первые полеты в космос». Ему отвечают: «У нас в плане стоит книга про Ивана Калиту. Сможете?» -- «Н-да... -- с серьезным лицом отвечает “мастер”, -- Сложная тема. У меня по ней наработок нет. Так что придется вам подождать моей книги целых две недели. Буду собирать материал, осмыслять, творить...»

Разговор, собственно, не выдуманный, а подслушанный. И если кто-то улыбнулся шутке, пожалуйста, выверните улыбку наизнанку – шутки не было.

“Мастер” идет домой, забирается в сеть и клепает из четырех старых книжек новую, пятую. Клепает за четыре дня. Затем выжидает десять суток, и отправляет файл издателю – не хочет оставить впечатление несерьезного, торопливого человека...

«Шедевр» попадает на рабочий стол редактору. А тому, бедняге, за месяц надо сдать 100 книг. По триста тридцать три рубля за книгу, если равномерно распределить между ними редакторскую (хорошую!) зарплату. Ему, как в старом анекдоте, «некогда думать, работать надо!»

На финише верстальщик, которому тоже надо сдать за месяц невообразимое количество макетов, теряет все ссылки, весь курсив и всё предисловие...

Кто виноват? Отчасти – никто, рынок.

Отчасти же -- сами ученые. Для большинства историков академического склада работа над популярными текстами – либо «денежная халтурка», либо вещь в принципе невозможная: ни желания, ни умения. В обоих случаях она слишком многими воспринимается как нечто второсортное, отвлекающее от «настоящего» интеллектуального творчества. Лишь считанные единицы высококлассных специалистов готовы уделять ей время.

А когда благородные доны брезгают замарать ручки, место, принадлежащее им по праву, занимают простые ребята из серой-серой гвардии.

Итог: у кафтана популярной исторической литературы верх шит золотом, а низ – грязная дерюга.

Как это исправить, Бог весть.

Возможно, помогли бы большие книжные серии подобного жанра, финансируемые государством и переданные для работы тем издателям, которые еще способны высоко держать планку редактуры. Тем, которые... как бы правильнее сказать? Не суетятся.

Возможно.

Но тут ведь государственным мужам работать надо...

Дмитрий Володихин